

УДК 94(470+571)"1914-1917":355
doi: 10.17072/2219-3111-2016-2-51-59

ПРОБЛЕМЫ ДИСЦИПЛИНЫ В ЭТНИЧЕСКИХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ РУССКОЙ АРМИИ В 1914 – НАЧАЛЕ 1917 ГОДА

А. Д. Поперечная

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
a.poperechnaya@outlook.com

Анализируется состояние воинской дисциплины в этнических формированиях Русской армии в годы Первой мировой войны, выявляется его динамика и тенденции в них на разных этапах войны. Показывается, что национальные части по характеру правонарушений и преступлений и их количеству не демонстрировали значительных отличий от общероссийских соединений, хотя и имели ряд особенностей, а процессы морально-нравственного разложения армии и отдельных ее частей выступили катализатором революционных событий 1917 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, этнические воинские формирования, воинская дисциплина, преступления, проступки.

Правительство Российской империи накануне и в начале Первой мировой войны старалось привлечь в ряды армии представителей всех народов, проживавших на территории страны. При этом неизбежно возникал вопрос о способах организации службы последних: должны они были составлять отдельные национальные подразделения или же быть интегрированы в русские формирования? Согласно совместному докладу Военного министерства и Министерства внутренних дел императору в 1914 г. создание каких-либо особых, кроме русских, частей нецелесообразно из-за того, что это неизбежно приводит к обострению национального вопроса на окраинах, а в боевом отношении они всегда уступают регулярной армии [Захаров, 1927, с. 13].

Военное руководство, в целом выступая против обособления отдельных этносов в рядах вооруженных сил, исходя из политической конъюнктуры было вынуждено идти по пути создания этнонациональных формирований, понимая, как это может сказаться на боеспособности частей и на состоянии воинской дисциплины в них.

С началом войны в Русской армии наряду с уже имеющимися осетинским и туркменским конными дивизионами, дагестанским и крымско-татарским конным полком создаются по инициативе региональных элит новые этнические части. Это были армянские, грузинские и польские дружины и латышские стрелковые батальоны. Однако само количество вооруженных формирований было небольшим (менее 1% от общей численности вооруженных сил того времени), и они не сыграли существенной роли в ходе всей войны, хотя и отличились в отдельных сражениях.

Ничего нового и удивительного в том, что военнотружущие нарушали законы и распоряжения, не было, однако настороженность командования Русской армией по отношению к этническим воинским формированиям предопределили особое внимание к нарушениям в них воинской дисциплины, их причинам и особенностям.

Проблема воинской дисциплины в этнических формированиях Русской армии принадлежит к числу дискуссионных и мало изученных в отечественной истории. В дореволюционной историографии анализировались само понятие «воинская дисциплина», её составные части и процессы формирования. В трудах военных деятелей и теоретиков дореволюционного периода (А.И. Хатов, С.С. Абрамович–Барановский, М.И. Драгомиров, М.С. Галкин, Н.Д. Бутовский, В.Д. Плетнев, М.В. Грулев и др.) указывалось, что солдат должен знать законы военной службы, быть воспитан не только физически, но и нравственно. В ходе выполнения воинских обязанностей у него должно сложиться понимание того, что значит «честь», «твердость воли» и «неустрасимость» [Каменев, Домнин, Белов, 2000, с. 378]. Особую роль в этом процессе должны были сыграть офицеры. Они становились примером для нижних чинов. При этом обращалось внимание на то, что рядовой солдат – личность, имеющая право на уважение, равноправие и неприкосновенность. Однако в указанных трудах не затрагивались вопросы, связанные со спецификой состояния воинской дисциплины в

отдельных воинских частях, в том числе созданных по этническому принципу.

В советский период появился ряд работ (М.Д. Бонч-Бруевича, М.И. Ахуна, В.А. Петрова, Э.Г. Валя, А.М. Василевского и др.), посвященных событиям Первой мировой войны, в том числе повседневным практикам этнических формирований в Русской армии. Эти исследования, выполненные в условиях жесткой идеологической заданности, предполагавшей негативную трактовку российского дореволюционного управления, указывали на плачевное состояние дисциплины в частях армии, обосновывая это либо недопониманием, возникшим между офицерами и нижними чинами, глумлением и телесными наказаниями нижних чинов, практиковавшимися командным составом [Ахун, Петров, 1929, с. 26–29], либо недостаточной сознательностью самих военнослужащих, непонимавших, зачем их призвали в части, оторвав от семей и мирных занятий [Бонч-Бруевич, 1926, с. 111].

В постсоветский период вновь появляется интерес к изучению как воинской дисциплины, так и этносов, входивших в состав Русской армии. Одним из новых направлений стало исследование морально-нравственного воспитания военнослужащих в армии и роли духовных лиц в этом процессе (В.Ф. Мартынова, А.С. Сенина, В.М. Коткова). Ряд работ посвящен другим смежным вопросам: воинской дисциплине [Романов, 1999, 239 с.], военному воспитанию [Теркун, 1999, 249 с.], роли военного духовенства в воспитании солдат [Давлетшин, 2004, 233 с.] и др. Однако большинство этих работ ограничено материалом начала 1914 г. или же не затрагивают этнонациональные воинские формирования вообще, что не позволяет сформировать представление о состоянии дисциплины в таких специфических частях и подразделениях.

Исходя из этого мы поставили задачу дать по мере возможностей картину того, что представляли собой типичные нарушения воинской дисциплины офицерским корпусом и солдатской массой этнических формирований в годы Первой мировой войны, обобщить их и систематизировать.

Источниками для настоящей публикации послужила делопроизводственная документация (приказы, распоряжения, рапорты) военного командования, касающаяся воинской дисциплины, хранящаяся в фонде Штаба Верховного главнокомандующего (РГВИА. Ф.2003). Были изучены материалы, отражающие службу в конкретных этнонациональных формированиях: Штабе Дагестанского конного полка (РГВИА. Ф.15568), Штабе 1-го Польского стрелкового полка (РГВИА. Ф.3449), 1-й Латышской стрелковой бригаде (РГВИА. Ф.7997), а также документы об армянских добровольческих дружинах и регулярных воинских частях на Кавказском фронте во время Первой мировой войны (НАА. Ф.1267). Для проведения сравнительного анализа были использованы материалы местных фондов: Управления начальника контрольного участка Витебской губернии (НАИБ. Ф.3328), Минской местной бригады (НАИБ. Ф.740), Чрезвычайной следственной комиссии при Особом Закавказском комитете (ГИАГр. Ф.1854), а также источники личного характера: воспоминания офицеров, служивших в этнических частях (фонды генерал-майора К.Н. Хагондокова и капитана Н.В. Железнова–ВАР).

Проступки и преступления офицеров заключались в первую очередь в нецелевом или излишнем расходовании средств, а также в небрежном оформлении документации. Так, командир 2-й бригады Кавказской туземной кавалерийской дивизии генерал-майор К.Н. Хагондоков, исполняя должность начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса, в состав которого входила и туземная дивизия, обнаружил выданный ротмистру князю Бебутову непогашенный аванс в 38 тыс. руб. (лошадь в то время стоила около 500 руб.). Получив аванс, Бебутов уехал в отпуск в Тифлис и с возвращением в свою часть задерживался. На телеграмму из соединения о срочном возвращении к месту службы ответа не последовало. Тогда К.Н. Хагондоков послал телеграмму коменданту г. Тифлиса с требованием арестовать и препроводить князя Бебутова в штаб корпуса. Через несколько дней была получена ответная телеграмма, в которой сообщалось, что при попытке задержания ротмистр Бебутов застрелился (ВАР. Вох.1. Р.689).

Чаще всего недостачи вскрывались при передаче дел от одного командира к другому и обязательной ревизии денежных ящиков. В случае обнаружения такого факта реакция командования, как правило, была незамедлительной и однозначной. Так, командир Дагестанского конного полка, выявив недостачу денежных средств при передаче конной сотни, приказал: «Предписать представить в полк в пятидневный срок исчисленную в рапорте штабс-ротмистра Алибекова сумму 568 руб. 75 коп. В противном случае рапорту дайте законный ход, т.е. представить начальнику дивизии, прося

передать дело следователю» (РГВИА. Ф.15568. Оп.1. Л.46).

В других российских частях, не этнонациональных, случаи откровенных хищений со стороны офицерского состава также отмечались. К примеру, начальник Минской местной бригады, комплектовавшейся уроженцами данной губернии, генерал-лейтенант А.Н. Гаврилов при проверке в декабре 1914 г. местных военных органов управления выявил перерасход продовольствия, якобы выданного на 602 не числящихся военнослужащих: «Мною проверено управление Новозыбковского уездного воинского начальника. По ведомости о ежедневном состоянии на кормовом довольствии с 19 по 31 июля числится дач: 12321, а было нижних чинов – 10329, ратников – 1244, сопровождающих – 141, то есть всего 11714» (НАИБ. Ф.740. Оп.1. Л.1). Подобная ситуация была типична и для других этнических формирований.

Еще одним нарушением, встречавшимся у офицеров национальных комитетов, занимавшихся комплектованием добровольческих этнических дружин, было стремление самим назначать на должности командиров и присваивать воинские звания, минуя российское командование. Генерал от инфантерии Э. Свидзинский отмечал в январе 1915 г., что «многие из записавшихся в конные части добровольцев и именованные первоначальным организатором польских дружин (легионов) подполковником Горчинским зауряд-офицеры по распоряжению непосредственно заведовавшего призывом добровольцев зауряд-ротмистра Лаца завели парадные уланские мундиры и, не будучи еще собраны, надели эти мундиры, афишируясь в них по улицам г. Варшавы. Польские дружины создаются для войны, а в военное время никаких парадных мундиров ни одна из войсковых частей русской армии не имеет» (РГВИА. Ф.3449. Оп.1. Л.34 об.). Всю эту форму генерал приказал снять и сдать на склад. А все зауряд-офицеры конных сотен, получившие это звание от В. Горчинского, утверждались в этих званиях только после сдачи испытаний по знанию основ воинской службы.

Такое поведение, с одной стороны, отражало определенную черту характера польской молодежи того времени – стремление покрасоваться в национальной военной форме, т.е. продемонстрировать свою приверженность идее польской независимости, так как осознание необходимости реально рисковать своей жизнью быстро отрезвляло: отправка первой же польской дружины на фронт вызвала катастрофическое уменьшение притока новых добровольцев – со 150–180 до 1–10 чел. в день (РГВИА. Ф.2552. Оп.1. Л.19). С другой стороны, это было следствием непродуманных действий, самоуправством самих командиров создаваемых польских подразделений, «присваивавших» офицерские звания налево и направо, часто не согласовываясь с российским законом, что и нашло отражение в приказе генерала Э. Свидзинского.

Были среди офицерского корпуса и такие проступки, как самовольное оставление места службы без сдачи должности. Так, 22 июня 1916 г. исполняющий обязанности командира 1-й армянской дружины Смбат Боряян писал из Арпета в Тифлис А. Озаяну: «...Начальство спешно требует с меня список трехлинейных винтовок. Паруйр Парунянц, у коего находятся все списки оружия, без моего разрешения выехал в Тифлис. Прошу задержать и немедленно этапным порядком отправить в дружину» (НАА. Ф.1267. Оп.1. Л.22).

Впрочем, офицерский корпус допускал и другие дисциплинарные проступки и преступления: пьянство, игру в карты и др.

Дисциплинарные проступки и преступления нижних чинов существенно отличались от офицерских. Так, начальник Кагызманского гарнизона, где после отступления из Вана сосредоточились и армянские дружины, генерал-майор К.И. Стояновский в своем приказе № 40 от 19 ноября 1915 г. указывал: «Последнее время мной замечено следующее: нижние чины разных частей, находящихся во вверенном мне гарнизоне, получившие в частях предметы нового обмундирования, как то: теплые фуфайки, шаровары, сапоги и проч., продают туземцам за полцены, вырученные деньги от продажи обмундирования пропивают и сами остаются в старом изношенном...» (НАА. Ф.1267. Оп.1. Л.61). Своему же непосредственному начальству военнослужащие заявляли о якобы потере вещей. О том же свидетельствовал и приказ командира 1-го Армянского стрелкового батальона подполковника Д.А. Каракешешева, фиксировавшего «большой недостаток шанцевого инструмента, предметов снаряжения, патронов и даже винтовок» (РГВИА. Ф.3453. Оп.1. Л.161). Командир, считая потерю этих вещей государственной изменой, обещал суровые кары подчиненным, вплоть до денежных штрафов [Подпрятков, 2014, с.161].

В связи с участвовавшими случаями продажи казенного имущества, в особенности обуви, эвакуированными, больными, а также увольняемыми в отпуск солдатами при следовании их по

железной дороге 19 июля 1917 г. был издан приказ от интендантства № 1087 по Юго-Западному фронту: «Немедленно объявить на железной дороге о воспрещении покупки у солдат кем бы то ни было разного рода предметов обмундирования, снаряжения и обуви с указанием, что виновные в этом подвергнутся строгой каре. Вменить в обязанности военным командам и железнодорожным агентам удалять вовсе со станций известных им профессиональных скупщиков, а равно не допускать покупку у солдат разного рода вещей» (Приказ интенданта ..., 1917).

Среди провинностей солдат наиболее характерными были самовольные отлучки. Особенно это было присуще военнослужащим частей, не принимавших непосредственного участия в боевых действиях: тыловых, выведенных на отдых, доукомплектование или переформирование. Так, в течение всей осени 1915 г. значительную долю всех самовольно отлучившихся в гарнизоне г. Бобруйска составили нижние чины польской дружины, проходившей переформирование в стрелковый батальон (РГВИА. Ф.3449. Оп.1. Л.169 об., 176, 179, 190, 216, 223, 227, 229, 232, 234–237, 239). Действительно, если в первой декаде октября доля задержанных в самовольных отлучках солдат из польских стрелковых батальонов составляла чуть более 2%, во второй декаде – 18, в третьей декаде – 33%, то в первой декаде декабря она достигла 70 от числа всех задержанных без оправдательных документов (РГВИА. Ф.3449. Оп.1. Л.275, 276). Начальник гарнизона Бобруйска отмечал 14 декабря 1915 г.: «В течение минувшего ноября было задержано без документов 582 нижних чина, из которых частей Бобруйского гарнизона 349 чел. и 233 иногородних. Наибольшее число задержанных нижних чинов падает на 1-й Польский стрелковый батальон, 6-й Сибирский арtdивизион и 54 команду выздоравливающих. Очевидно, в названных частях мои приказы не проводятся в жизнь с должной твердостью, на что и обращаю внимание соответствующих начальников частей» (Там же. Л.298.).

Надо иметь в виду, что во второй половине 1915 г. происходило формирование самого Польского батальона. В него прибывало большое количество новых бойцов, не достаточно дисциплинированных и еще не связанных со старослужащими ни совместной боевой работой, ни какими-либо взаимными обязательствами, что также могло привести к увеличению числа самовольных отлучек. В качестве еще одной причины отлучек можно указать элементарное любопытство: солдатам было интересно познакомиться с населенным пунктом, где они оказались впервые.

На других участках фронта, где находились этнические формирования, наблюдалась аналогичная картина. В августе 1916 г. были задержаны бежавшие из 4-го Латышского стрелкового батальона К.К. Брасс и К.К. Горбулем. 16 июля 1916 г. схвачен дезертир 6-го Латышского стрелкового батальона П.-И.И. Авин (НАИБ. Ф.3328. Оп.1. Л.203, 204, 231). В сентябре 1916 г. бежал из 1-го Латышского стрелкового батальона И.С. Зейза. 21 февраля 1917 г. в м. Больдераа Рижского уезда был задержан самовольно отлучившийся младший унтер-офицер 6-го Тукумского латышского стрелкового полка конно-подрывной команды Я.Я. Муценен (НАИБ. Ф.3328. Оп.1. Л.114, 125).

Нередко самовольно отлучившиеся совершали и тяжелые уголовные преступления. Так, 19 февраля 1917 г. стрелки 7-й роты 4-го Виндземского латышского стрелкового полка братья Я. и А. Зейбарды убили из-за неприязненных отношений и с целью ограбления своих родителей: мать 62 лет и отца 67 лет. Как утверждал в своем приказе по армиям Северного фронта командующий, «пошли в тылу шайки грабителей и бродяг» (Там же. Л.104, 119).

Таким образом, воинская дисциплина в этнонациональных частях, в том числе в считавшихся надежными латышских формированиях, к концу 1916 – началу 1917 г. была далека от идеальной. В дальнейшем ситуация только ухудшалась. Так, в августе 1917 г. было задержано в самовольной отлучке 6 нижних чинов 4-го Латышского стрелкового полка, 12 латышских солдат 5-го полка и 8 чел. из 4-го полка, в октябре – 9 чел. 1-го стрелкового полка и 6 чел. 3-го стрелкового полка (РГВИА. Ф.2550. Оп.1. Л.3, 4, 5, 9, 11).

В латышском запасном стрелковом батальоне на 10 декабря 1916 г. числилось в бегах 18 чел. (Там же. Ф.7997. Оп.1. Л.86). 11 декабря не вернулись из отпуска еще 13 чел. (Там же. Л.92, 143). Всего же, как докладывал начальнику контрольного участка Лифляндской губернии рижский полицмейстер в феврале 1917 г., в г. Риге задержано 260 самовольно отлучившихся из армии нижних чинов (НАИБ. Ф.3328. Оп.1. Л.88).

Еще более опасным для морально-психологического состояния войск являлись дезертирство военнослужащих, переход на сторону противника и неповиновение командирам.

6 января 1916 г. кутаисский губернатор Л.В. Потулов сообщал шорапанскому уездному

начальнику И.А. Васадзе: «По полученным мною агентурным сведениям, большинство как офицерских, так и нижних чинов кутаисской дворянской грузинской дружины принадлежат к партии социалистов-федералистов, с большим нетерпением ожидает прихода на Кавказ наших врагов – турок и германцев, открыто высказывает, что Кавказу лучше быть под покровительством турок, чем русских и что момент такого желательного перехода недалек. Кроме того, офицеры и нижние чины названной дружины, личный состав коей весьма часто меняется, запаслись у себя на родине большим количеством оружия и боевых припасов на случай революции» (ГИАГр. Ф.1854. Оп.1. Л.1). Командование приняло решение расформировать грузинские дружины.

В июне 1916 г. согласно приказу начальника Штаба Верховного главнокомандующего предписывалось сформировать из осетинских сотен особую Осетинскую пешую бригаду в составе трех отдельных батальонов по штату пластунов (РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Л.153). Формирование ее происходило в слободе Воздвиженской у Грозного на базе Терского казачьего войска. Командиром бригады был назначен генерал-майор В.П. Чиковани. Однако процесс шел медленно, с трудом. В то же время усилилась агитация против войны, наложившаяся на конфликт рядовых с командным составом. В августе 1916 г. пластуны отказались выйти на занятия, не смог их убедить и командир бригады. Для подавления протеста пришлось присылать дополнительные части: 26 августа бригада была окружена другими войсками и приведена к повиновению. В результате расправы 16 чел. в бригаде было убито и 30 ранено (Там же. Л.153,156 об.).

В ходе летнего наступления русских войск в 1916 г. Польская стрелковая бригада также понесла значительные потери и была выведена в резерв. Однако потери эти были в основном не боевые, так как часть не отличалась надежностью и командование не рисковало отправлять ее в бой. По свидетельству штабс-капитана В.И. Оберюхтина, ежедневно из состава польской бригады к немцам перебежало по 2–3 чел. «...Агитация же немцев среди поляков и в свою очередь их обещания всяких льгот полякам – вызывали тягу поляков к немцам. Это повело к систематическим сдачам в плен поляков с разглашением всех начинаний и хода подготовки русских к наступлению. Недаром Польская стрелковая бригада была переведена сначала за болотистый участок, а затем даже отведена в резерв» [Оберюхтин, 1935, с.48–49].

Среди армянских стрелков также нередко отмечались дезертирство, недисциплинированность. Так, в 1916 г. бежали из 1-го армянского батальона стрелков А. Оганджанов, а затем И. Багдасаров (РГВИА. Ф.3453. Оп.1. Л.22, 32).

О бегстве бойцов командование оповещало воинских и уездных начальников, священников прихода, семью, и на сходе селения объявлялось о позорном бегстве стрелка. Тех, кого ловили местные правоохранительные органы или кто сам являлся с повинной, подвергали суду. Мера наказания зависела от обстоятельств дела и характеристики подсудимого. Так, ефрейтору К. Агамалову суд назначил два месяца военной тюрьмы за самовольную отлучку в течение 19 дней, приняв во внимание то, что военнотружущий вернулся сам и что к этой отлучке его вынудило письмо из дома, в котором сообщалось об отсутствии хлеба и голоде домочадцев (Там же. Л.208).

Главнокомандующий Кавказской армией генерал-адъютант И.И. Воронцов-Дашков своим приказом разрешил предавать суду нижние чины, совершавшие побег из тыловых частей в передовые, по окончании войны, а до того оставлять их прикомандированными к тем частям, куда они явились. Этим активно пользовались и солдаты-армяне, пробиравшиеся в армянские батальоны после многодневных самовольных отлучек и заявлявшие, что они горят желанием сразиться с врагом родины.

Кроме того, начальник штаба Кавказской армии сообщал помощнику наместника на Кавказе по гражданской части генерал-лейтенанту В.Н. Орлову в 1916 г., что из 2 482 нижних чинов армян, отправленных из запасных батальонов на укомплектование трёх армянских батальонов, прибыли только 1 741, а остальные 741, или почти 30%, сбежали [Басиляя, 1968, с.325 – 326]. Однако в связи со сменой командования Кавказской армией и изменением отношения к этническим формированиям эта лазейка была закрыта (РГВИА. Ф.3453. Оп.1. Л.132).

Армейское руководство предпринимало попытки навести порядок в тылу и в прифронтовой полосе. В сентябре 1915 г. по повелению императора для предотвращения в тылу армии беспорядков, мародерства, грабежей начальникам штабов фронта предписывалось назначить особых людей, а при них определить контрольные участки и контрольные районы. Выполняя это распоряжение, Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии Н.В. Рузский 25 сентября

1915 г. издал приказ о создании таких контрольных участков по Лифляндской губернии в Юрьеве, по Эстляндской губернии в Ревеле, по Петроградской в Петрограде, по Новгородской в Новгороде, по Тверской и Ярославской в Бежецке, по Витебской в Витебске и по Псковской в Пскове. Участки комплектовались подвижными командами, которые были призваны осуществлять военно-полицейский надзор в прифронтовой полосе (НАИБ. Ф.3328. Оп.1. Л.162).

На основании этого приказа командир Латышского стрелкового запасного батальона 8 декабря 1916 г. направил 79 человек в распоряжение дежурного генерала штаба 12-й армии генерал-лейтенанта В.В. Ермолова для формирования военно-полицейской полуроты 2-й Латышской стрелковой бригады (РГВИА. Ф.7997. Оп.1. Л.66). А 9 декабря 1916 г. запасной батальон направил еще 102 человека для формирования военно-полицейской полуроты в 1-ю Латышскую стрелковую бригаду (РГВИА. Ф.7997. Оп.1. Л.75,76). Всего же по приказу начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего №1288 от 15 сентября 1916 г. в каждом формируемом латышском стрелковом полку полагалось иметь полицейскую команду из 22 человек, включая одного начальника – офицера, двух унтер-офицеров, двух ефрейторов, 16 рядовых и одного денщика (Там же. Ф.2550. Оп.1. Л.15).

В основном полицейские команды занимались задержанием «самовольщиков» и препровождением их в комендатуру. Так, ведомость о числе нижних чинов, задержанных с 1 октября 1916 г. по конец января 1917 г., показывает, что по Витебскому контрольному участку таковых оказалось 16137 человек, по Полоцкому – 8101, а по Рижскому – только 444 (НАИБ. Ф.3328. Оп.1. Л.21).

Следует отметить, что во время наиболее ожесточенных боев за Ригу количество задержанных солдат по Рижскому участку уменьшилось в сотни раз. Это может косвенно свидетельствовать о стремлении военнслужащих выполнить свой воинский долг и отразить атаки немцев. В то же время численность задержанных по Витебскому и Полоцкому районам в течение четвертого квартала 1916 г. стремительно увеличивалась, что указывало на снижение воинской дисциплины в частях. А в январе 1917 г. количество задержанных сократилось в 1,5 – 2 раза и по этим районам. Это, вероятно, может быть объяснено не повышением дисциплинированности войск, а изменением отношения военного руководства или военно-полицейских формирований к таким нарушениям, т.е. нарушителей просто перестали ловить.

Появление усталости от войны и, как следствие, снижение дисциплины в войсках можно было отметить еще во второй половине 1916 г. Так, командир 1-го латышского Усть-Двинского стрелкового полка полковник К.К. Карлсон исключил 14 ноября 1916 г. из состава части 5 человек, двое из которых отсутствовали на месте службы более двух месяцев, а трое – более полугодом, т.е. с апреля 1916 г. (РГВИА. Ф.2550. Оп.1. Л.149). А уже в начале 1917 г. военнслужащие стали демонстрировать неповиновение – сопротивление начальникам, в том числе с оружием в руках. Так, рижский полицмейстер докладывал 26 февраля 1917 г. начальнику штаба XII армии, что в Митаве, когда полиция вела 9 человек военнслужащих, задержанных при облаве, на патруль было совершено вооруженное нападение нижними чинами 1-й роты 1-го Усть-Двинского латышского полка, отбившими четверых задержанных и давшими им возможность скрыться от конвоя (Там же. Л.191).

Это были очень необычные и тревожные для армии происшествия. Однако военный прокурор Двинского военно-окружного суда 30 марта 1917 г. сообщал командиру 1-й Латышской бригады, что дела в отношении пяти латышей-дезертиров прекращены с отменой всех мер пресечения. Если же они снова самовольно отлучатся и добровольно не вернуться до 1 мая, то будет возбуждено новое уголовное дело после 17 марта. То есть, все, кто находился в бегах (дезертировал), получали амнистию, если они вернулись в части до 1 мая (Там же. Л.58).

Таким образом, нарушения воинской дисциплины в этнических формированиях наблюдались на протяжении всей войны как среди офицерского состава, так и среди солдат. Утрата казенного имущества (одежды, обуви, инвентаря и др.) была характерна в большей степени для нижних чинов этнических воинских формирований. Хищение и сбыт государственного имущества был связан с традиционным для крестьян взглядом: государство обязано снабжать их всем необходимым (имуществом, едой и пр.) в неограниченном количестве, а сохранность не своих, «ничейных» вещей не воспринималась ими как обязательная норма. Недостаток необходимых продуктов питания лишь подстегивал солдат к утрате казенного имущества, которое было востребовано гражданским населением.

В условиях любой войны чрезвычайно трудно поддерживать порядок и соблюдать законы в

силу объективных причин: вооруженности войск, оторванности солдат от места проживания и т. д. Зачастую командование закрывало глаза на нарушения солдат и офицеров, фактически попустительствуя проступкам и преступлениям своих подчиненных. Нередко в прифронтовой полосе отсутствовали и полноценные следственные органы, которые бы расследовали случаи совершения преступлений. Многие зависело и от воинской дисциплины в частях.

С возникновением революционного брожения в армии дисциплина стала стремительно разлагаться. В этнических формированиях до февральских событий 1917 г. в целом дисциплина и порядок поддерживались на достаточном уровне и случаи неповиновения или неисполнения боевых приказов были единичными. Собственно разложение коснулось не национальных подразделений и частей Русской армии, а прежде всего тех, кто нес основные тяготы боев и терял больше всего личного состава. Так, 22 декабря 1916 г. отказались наступать солдаты 17-го Сибирского стрелкового полка, а 25 декабря – 55-го Сибирского стрелкового полка. В результате расследования 74 чел. из обоих полков были расстреляны и еще 136 оказались под следствием.

Находившиеся по соседству латышские стрелковые бригады в это время сохранили воинскую дисциплину и никаких проявлений революционности не демонстрировали. Но после так называемых рождественских боев (декабрь 1916 – январь 1917 г.), в которых латышские полки понесли большие потери, настроение в частях резко изменилось. По воспоминаниям старшего адъютанта оперативного отделения штаба 13-й Сибирской стрелковой дивизии капитана Н.В. Железнова, поражение возле о. Бабит повлекло за собой тяжкие политические последствия: «Уцелевшие латыши были страшно озлоблены против русских; доходило даже до разговоров о том, что русское начальство нарочно дало истребить лучших представителей латышского народа в политических целях. Конечно, те же разговоры передавались в Ригу и в тыл. Бывшее до сих пор очень хорошее отношение местного населения к русским резко изменилось в худшую сторону» (ВАР. Вох.1. Р.352). Таким образом, в этнических формированиях также падала воинская дисциплина после серьезных потерь в ходе тяжелых боев, завершавшихся поражением.

Список источников

- 1-й Армянский стрелковый полк // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.3453. Оп.1. Д.1. Л.22, 32, 132, 161, 208.
1-я Латышская стрелковая бригада // РГВИА. Ф.2550. Оп.1. Д.113. Л.15; Д.147. Л.58, 149, 191; Д.167. Л.3, 4, 5, 9, 11я
1-я Польская стрелковая дивизия // РГВИА. Ф.2552. Оп.1. Д.47. Л.19.
1-й Польский стрелковый полк // РГВИА. Ф.3449. Оп.1. Д.29. Л. 34 с об., 169 об., 176, 179, 190, 216, 223, 227, 229, 232, 234–237, 239, 275, 276, 298.
Дагестанский конный полк // РГВИА. Ф.15568. Оп.1. Д.2. Л.46.
Коллекция документальных материалов об участии армянских добровольческих дружин и регулярных воинских частей на Кавказском фронте во время Первой мировой войны // Национальный архив Армении (НАА). Ф.1267. Оп.1. Д.9. Л.61; Д.22. Л.22.
Латышский стрелковый батальон // РГВИА. Ф.7997. Оп.1. Д.8. Л. 66, 75, 76, 86, 92, 143.
Приказ интенданта Юго-Западного фронта № 1087 от 19 июля 1917 г. // Российская национальная библиотека.
Управление начальника контрольного участка Витебской губернии // Национальный архив истории Беларуси (НАИБ). Ф.740. Оп.1. Д.4. Л.1; Ф.3328. Оп.1. Д.3. Л.21, 88, 104, 114, 119, 125, 162, 203, 204, 231.
Чрезвычайная следственная комиссия при Особом Закавказском комитете // Государственный исторический архив Грузии (ГИАГр). Ф.1854. Оп.1. Д.264. Л.1.
Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.339. Л.153,156 об.
Ms Coll/Khagondokov // Архив Бахметьева Колумбийского университета (ВАР). Вох.1. Memoirs. Р.689, 352.

Библиографический список

- Абрамович-Барановский С.С. Значение военного начальства в военно-уголовном судопроизводстве. СПб., 1896. 470 с.
Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. 123 с.

- Басилая Ш.И.* Закавказье в годы первой мировой войны. Сухуми, 1968. С.325 – 326.
- Бонч-Бруевич М.Д.* Потеря нами Галиции в 1915 г. Л., 1926. Ч. 2. 276 с.
- Бутковский Н.Д.* О способах обучения и воспитания современных солдат (Практические заметки командира роты). СПб., 1893 – 1897. Т. 1–2. 479 с.
- Валь Э.Г.* Кавалерийские обходы генерала Каледина, 1914 – 1915. Таллин, 1933. 64 с.
- Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1978. 552 с.
- Грулев М.В.* Злобы дня в жизни армии. СПб., 1911. 331 с.
- Давлетиин В.Р.* Военное духовенство в России XVIII – начала XX в. и его деятельность по морально-психологическому обеспечению охраны государственной границы: исторический анализ: дис. ...канд. ист. наук. М., 2004. 233 с.
- Драгомиров М.И.* Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск. М., 1956. 686 с.
- Захаров М.* Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. 90 с.
- Каменев А.И., Домнин И.В., Белов Ю.Т.* Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М., 2000. 639 с.
- Котков В.М.* Религиозно-нравственное воспитание и досуг военнослужащих в русской армии. СПб., 1999. 345 с.
- Мартынов В.Ф.* Военная дисциплина в русской армии в XVIII – начале XX в.: исторический опыт, уроки: дис. ...канд. ист. наук. М., 2013. 370 с.
- Оберюхтин В.И.* Барановичи. 1916 год: Военно-исторический очерк. М., 1935. С. 48–49.
- Плетнев В.Д.* Основные принципы военно-уголовного процесса. СПб., 1908. 270 с.
- Подпрятков Н.В.* Армянские стрелковые батальоны в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов. 2014. №2 (40), т.2. С.159 – 161.
- Романов Н.Н.* Военная дисциплина в Русской армии второй половины XIX – начала XX вв.: социально-политические аспекты: дис. ...канд. ист. наук. Самара, 1999. 239 с.
- Сенин А.С.* Армейское духовенство в России в Первой мировой войне// Вопросы истории. 1990. № 10. С. 159–165.
- Теркун А.Н.* Военное воспитание в России, 1905 – 1914: дис. ...канд. ист. наук. СПб., 1999, 249 с.
- Хатов А.И.* О воинской дисциплине. М. РГБ. ОР. Ф. 68 (Генштаб). Оп. 1. № М 7399, 1819.

Дата поступления рукописи в редакцию 09.10.2015

PROBLEMS OF DISCIPLINE IN ETHNIC UNITS OF THE RUSSIAN ARMY IN 1914 – EARLY 1917

A. D. Poperechnaia

Perm State University, Bukirev str., 15, Perm, 614990, Russia
a.poperechnaya@outlook.com

On the eve of the First World War, the Russian government proposed an idea of creating special ethnic army units. Extra sub-divisions were aimed at improving armed force efficiency and discipline. The Russian military leadership was wary of adverse effect and did not support the proposal. Nevertheless, the named army elements were organized. In the present article, the author analyzes the state of discipline in the ethnic formations in 1914 – early 1917 and shows that the number of violations has been great for the whole period. Permanent delinquencies, such as defections, absences without leave, embezzlements, misappropriations, insubordinations and others, were caused, in particular, by a lack of strict control in the front area: there were no military courts or they were badly organized. The Russian Revolution of 1917 accelerated moral degradation in all army formations and in ethnic units specifically. The army began to lose fights with increasing frequency and the constant growth of loss. The tendency embittered members of ethnic army units against Russians that resulted in deterioration of discipline. The author concludes that the government's decision to form ethnic units was short-sighted.

Key words: The First World War, ethnic military formations, military discipline, crime offenses.

References

1 – у Pol'skiy strelkovyy polk // RGVIA. F.3449. Op.1. D.29, 34 s ob., 169 ob., 176, 179, 190, 216, 223, 227, 229, 232, 234, 235, 236, 237, 239, 275, 276, 298.

1 – ya Latyshskaya strelkovaya brigada // RGVIA. F.2550. Op.1. D.113. L.15.

- 1 – ya Latyshskaya strelkovaya brigada // RGVIA. F.2550. Op.1. D.147. L.58, 149, 191.
- 1 – ya Latyshskaya strelkovaya brigada // RGVIA. Op.1. D.167. L.3, 4, 5, 9, 11.
- 1 – ya Pol'skaya strelkovaya diviziya // RGVIA. F.2552. Op.1. D.47. L.19.
- 1 – y Armyanskiy strelkovyy polk // Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA). F.3453. Op.1. D.1. L.22, 32, 132, 161, 208.
- Abramovich-Baranovskiy S.S.* Znachenije voyennogo nachal'stva v voyenno-ugolovnom sudoproizvodstve. SPb.: Tip. D.V. Chichinadze, 1896. 470 s.
- Akhun M.I., Petrov V.A.* Tsarskaya armiya v gody imperialisticheskoy voyny. M.: Izd – vo Vsesoyuz. obshch – va politkatorzhan i S.S. Poselentsev, 1929. 123 s.
- Basilaya Sh.I.* Zakavkaz'ye v gody pervoy mirovoy voyny. Sukhumi: Alashara, 1968. S.325 – 326.
- Bonch-Bruyevich M.D.* Poterya nami Galitsii v 1915 g. L.: Izd. Voennoy tip. Gurika, 1926. CH. 2. 276 s.
- Butovskiy N.D.* O sposobakh obucheniya i vospitaniya sovremennykh soldat (Prakticheskiye zametki komandira roty). SPb.: Tip. Trenke i Fyusno, 1893 – 1897. T. 1-2. 479 s.
- Chrezvychaynaya sledstvennaya komissiya pri Osobom Zakavkazskom komitete // Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Gruzii (GIAGr). F.1854. Op.1. D.264. L.1.
- Dagestanskiy konnyy polk // RGVIA. F.15568. Op.1. D.2. L.46.
- Davletshin V.R.* Voennoye dukhovenstvo v Rossii XVIII – nachala XX v. i yego deyatelnost' po moral'no-psikhologicheskomu obespecheniyu okhrany gosudarstvennoy granitsy: istoricheskiy analiz: dis. ...kand.ist.nauk. M., 2004. 233 s.
- Dragomirov M.I.* Izbrannyye trudy. Voprosy vospitaniya i obucheniya voysk. M.: Voenizdat, 1956. 686 s.
- Grulev M.V.* Zloby dnya v zhizni armii. SPb.: Tip. I. Kobryntseva, 1911. 331 s.
- Kamenev A.I., Domnin I.V., Belov Yu.T.* Ofiterskiy korpus Russkoy Armii. Opyt samopoznaniya. M.: Voennoy universitet: Russkiy put', 2000. 639 s.
- Khatov A.I.* O voinskoy distsipline. M.: RGB. OR. F. 68 (Genshtab). Op. 1. № M 7399, 1819.
- Kollektsiya dokumental'nykh materialov ob uchastii armyanskikh dobrovol'cheskikh družhin i regul'yarnykh voinskikh chastey na Kavkazskom fronte vo vremya Pervoy mirovoy voyny // Natsional'nyy arkhiv Armenii (NAA). F.1267. Op.1. Op.1. D.9. L.61.
- Kollektsiya dokumental'nykh materialov ob uchastii armyanskikh dobrovol'cheskikh družhin i regul'yarnykh voinskikh chastey na Kavkazskom fronte vo vremya Pervoy mirovoy voyny // NAA. F.1267. Op.1. D.22. L.22.
- Kotkov V.M.* Religiozno-nravstvennoye vospitaniye i dosug voyennosluzhashchikh v russkoy armii. SPb.: Izd – vo Sankt-Peterb. Un – ta kul'tury i iskusstva, 1999. 345 s.
- Latyshskiy strelkovyy batal'on // RGVIA. F.7997. Op.1. D.8. L.66, 75, 76, 86, 92, 143.
- Martynov V.F.* Voinskaya distsiplina v russkoy armii v XVIII – nachale XX v.: istoricheskiy opyt, uroki: dis. ...kand.ist.nauk. M., 2013. 370 s.
- Ms Coll/Khagondokov. // Arkhiv Bakhmet'yeva Kolumbiyskogo universiteta (BAR). Box.1. Memoirs. P.689.
- Ms Coll/Zheleznov. // BAR. Box.1. Memoirs. P.352.
- Oberyukhtin V.I.* Baranovich. 1916 god: Voenno-istoricheskiy ocherk. M.: Nauch. – issled. otd. Krasnoznam. voyen. akad. RKKA im. M.V. Frunze, 1935. S. 48-49.
- Pletnev V.D.* Osnovnyye printsipy voyenno-ugolovnogo protsessa. SPb.: Tip. V.F. Kirshbauma, 1908. 270 s.
- Podpryatov N.V.* Armyanskiye strelkovyye batal'onny v gody Pervoy mirovoy voyny // Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. Tambov. 2014. №2 (40). T.2. S.159 – 161.
- Prikaz intendanta Yugo-Zapadnogo fronta № 1087 ot 19 iyulya 1917 g. // Rossiyskaya natsional'naya biblioteka.
- Romanov N.N.* Voinskaya distsiplina v Russkoy armii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.: sotsial'no-politicheskiye aspekty: dis. ...kand.ist.nauk. Samara, 1999, 239 s.
- Senin A.S.* Armeyskoye dukhovenstvo v Rossii v Pervoy mirovoy voyne // Voprosy istorii. 1990. № 10. S. 159 – 165.
- Shtab Verkhovnogo glavnokomanduyushchego (Stavka) // RGVIA. F.2003. Op.2. D.339. L.153,156 ob.
- Terkun A.N.* Voennoye vospitaniye v Rossii, 1905 – 1914: dis. ...kand.ist.nauk. SPb., 1999, 249 s.
- Upravleniye nachal'nika kontrol'nogo uchastka Vitebskoy gubernii // Natsional'nyy arkhiv istorii Belarusi (NAIB). F.740. Op.1. D.4. L.1.
- Upravleniye nachal'nika kontrol'nogo uchastka Vitebskoy gubernii // NAIB. F.3328. Op.1. D.3. L.21, 88, 104, 114, 119, 125, 162, 203, 204, 231.
- Val' E.G.* Kavaleriyskiye obkhody generala Kaledina, 1914 – 1915. Tallin, 1933. 64 s.
- Vasilevskiy A.M.* Delo vsey zhizni. M.: Politizdat, 1978. 552 s.
- Zakharov M.* Natsional'noye stroitel'stvo v Krasnoy Armii. M.: Izd-vo voennoy tip. Upravlyayushchego delami Narkomvoynenmor i RVS SSSR, 1927. 90 s.